

УДК 811-24/57.16

Бондаренко Е.А.

ПРИЗНАКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ ЛЕКЦИОННОГО И ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

В статье описаны системообразующие признаки институциональности проповеднического и лекционного дискурсов. Рассмотрены интегральные и дифференциальные признаки, характеризующие дискурсы лекции и проповеди.

Ключевые слова: *системообразующие признаки, институциональность, лекционный и проповеднический дискурс.*

Бондаренко К.А. Ознаки інституціональності лекційного та проповідницького дискурсів. *У статті описані системоутворюючі ознаки інституціональності проповідницького і лекційного дискурсів. Розглянуто інтегральні та диференціальні ознаки, що характеризують дискурси лекції та проповіді.*

Ключові слова: *системоутворюючі ознаки, інституціональність, лекційний і проповідницький дискурс.*

Bondarenko K.A. The institutional features in lecture and sermon discourses. *The article outlines the main system formative criteria indicative of lecture and sermon discourses belonging to an institutional discourse. In accordance with the universal model of the institutional discourse description lecture and sermon discourses have been viewed in the article. The following components of lecture and sermon discourses such as communicants, local and temporal characteristics, aims, values, strategies, subjects, varieties and genres, precedential texts, discursive formulae have been described and analyzed. Distinctive and integral properties of the given discourses have been ascertained. Among mutual criteria of the discourses under study the wide usage of precedential texts in both lecture and sermon discourses should be mentioned. Realized in the form of citation these texts can function either as a starting point for the further argumentation or as an argument itself. The research allowed to prove the belonging of the investigated discourses to an institutional discourse in spite of the occurrence of the elements of personal and existential discourses within these institutional formations.*

Key words: *lecture and sermon discourses, institutional discourse, system formative criteria.*

Дискурс, традиційно трактується як текст, поглиблений в ситуацію спілкування, є об'єктом дослідження різних галузей лінгвістики. Прагмалінгвістика розглядає дискурс як інтерактивну діяльність учасників спілкування, встановлення і підтримання контакту, емоційний і інформаційний обмін, вплив однієї людини на іншу [3]. Лінгвостилістичний аналіз дискурсу націлений на розгляд реєстрів спілкування, розмежування усної і письмової мови в їх жанрових різноманітностях, визначення функціональних параметрів спілкування на основі його одиниць з точки зору функціональних стилів [10]. Структурно-лінгвістичне описання дискурсу передбачає його сегментацію і спрямоване на освітлення власне текстових особливостей спілкування [13]. В лінгвокультурології визначається специфіка спілкування в межах визначеного етносу, дається характеристика культурним домінам відповідного суспільства, виявляються характерні для визначеної лінгвокультури способи звернення до прецедентних текстів [10].

Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте [10]. В рамках этого подхода исследователи выделяют два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [6].

Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений.

Применительно к современному обществу социолнгвисты выделяют следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [5]. При этом отмечается, что этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа.

Настоящая статья преследует своей **целью** описание системообразующих признаков институциональности в двух видах дискурса – проповедническом (религиозном) и лекционном (академическом, научном, педагогическом, аудиторном).

Поставленная цель предусматривает выполнение следующих **задач**: рассмотреть представленные в лингвистической литературе подходы к изучению дискурса в целом и институционального дискурса в частности, сопоставить основные компоненты проповеднического дискурса и дискурса лекции, выявить их дифференциальные и интегральные признаки. Необходимо оговорить, что в статье рассматриваются устные **контактные** лекционный и проповеднический дискурсы, протекающие в традиционной для них ситуации общения (лекционный в академической аудитории в соответствии с академическим расписанием, проповеднический – в храме во время богослужения).

Моделируя институциональный дискурс, В.И.Карасик выделяет четыре группы признаков [6, 11]: 1) конститутивные признаки дискурса; 2) признаки институциональности; 3) признаки типа институционального дискурса; 4) нейтральные признаки. Конститутивные признаки включают участников, условия, организацию, способы и материалы общения, т.е. людей в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки). Признаки институциональности отражают ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Имен-

но трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального. Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института, связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Нейтральные признаки институционального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся «на чужой территории», т.е. транспонированные признаки [6].

Для описания рассматриваемых в статье типов институционального дискурса используем модель, предложенную В.И.Карасиком, в которой присутствуют следующие компоненты: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные (культурогенные) тексты; 9) дискурсивные формулы [6, 11].

Участниками лекционного дискурса, интегрирующего в себе элементы научного и педагогического дискурсов, являются лектор и студенческая аудитория. Отношения коммуникативной пары адресант/адресат являются асимметричными. Опираясь на дискурсивную терминологию, можно сказать, что лектор является агентом социального института, студенты выполняют роль клиентов. Лектор занимает ведущую позицию в коммуникации, так как превосходит аудиторию в осведомленности предметом лекции, обладает исключительным правом на коммуникативную инициативу, предполагающую как запрет, так и приглашение на вступление аудитории в интеракцию [2]. Необходимо отметить, что в некоторых исследованиях [13] отмечается особая роль лектора как «медиатора», посредника, между научным знанием и концептуальной системой учащегося/студента. Эта мысль о «посреднической» роли лектора перекликается с пониманием роли проповедника в проповедническом дискурсе. Ведущим признаком, характеризующим проповедника как оратора, является тот факт, что он обращается к людям не от своего имени, а проповедует Слово Божье. В его фигуре таится некоторая двойственность: с одной стороны – он наделен особыми полномочиями – доносить до своих прихожан слово Божие, с другой стороны, он является лишь **посредником** (выделено нами – Е.Б), исполнителем в этом процессе. Требуя от своих слушателей послушания, священник делает это не от своего имени, а от имени того, кто доверил ему свое послание – от имени Бога. Он, в свою очередь, тоже слушатель, послушание – и его задача [10].

Уникальным моментом, не характерным для любого другого вида институционального дискурса, является то, что во время проповеди проповедник не только общается с народом от имени церкви и Бога, но и обращается к Богу от имени прихожан. Эту своеобразную коммуникативную ситуацию одни исследователи называют «фактором двойного адресата» [11, 59], другие – «высшим наадресатом» [1, 305]. Наличие «высшего наадресата» является именно одним из ее основных конститутивных моментов.

Локально-темпоральные характеристики лекционного и проповеднического дискурсов строго регламентированы коммуникативной ситуацией. Для обоих дискурсов характерно объединение всех участников общения во времени и пространстве. Лекционный дискурс осуществляется в аудитории согласно расписанию, проповеднический (если речь идет о традиционной храмовой проповеди) – в церкви после богослужения.

Ценностная составляющая лекционного дискурса представлена триадой – истина, знание, исследование. Главной ценностью проповеднического дискурса является вера.

Основной *целью* лекционного дискурса является передача (распространение) знаний в той или иной области науки и формирование точки зрения на излагаемый объект.

Проповеднический дискурс также преследует своей *целью* передачу знаний об основах вероучения, однако не только и не столько знания, сколько укрепление веры являются основной интенцией проповедника. Реализация этой интенции осуществляется посредством разъяснения, наставления, рекомендации должного поведения в соответствии с ценностной базой религиозных постулатов. То есть не только организация восприятия адресатом передаваемой информации, но и побуждение его к совершению посткоммуникативных действий или формирование готовности к ней преследуются проповедническим дискурсом [8, 128].

В актуализации цели большую роль играют *стратегии* говорящего. В лингвистической литературе стратегия определяется как «характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение задач гибким и локально управляемым способом» [3, 274]. В зависимости от задач выделяются макро- и микростратегии. Коммуникативные макростратегии отражают логическую, этическую и психологическую установку говорящего в течение всего процесса порождения текста (дискурса). Микростратегии, в свою очередь, делятся на 2 группы: операциональные и текстовые. Операциональные микростратегии соответствуют более детально сформулированной психологической установке, а текстовые микростратегии представляют собой неограниченный, но в принципе обозримый набор конкретных языковых (стилистических, риторических и т.д.) способов, ориентированных на придание тексту большей убедительности [3, 133].

Анализ приведенных в лингвистической литературе дискурсивных стратегий проповедника позволил выделить следующие:

- стратегия самоидентификации,
- информационно-интерпретационная (объясняющая),
- конвенционально-аргументативная,
- эмоционально-воздействующая,
- стратегия призыва,
- стратегия модификации иллюкативной силы высказывания [12].

К дискурсивным стратегиям лектора относятся:

- стратегия моделирования знаний,
- стратегия самоидентификации (самопрезентации),

- информационно-интерпретационная (объясняющая),
- эмоционально-воздействующая,
- стратегия выражения персонального отношения к ситуации [12].

Материалом лекционного дискурса могут служить любые научные труды по теме лекции, отобранные по усмотрению лектора. Проповедник также имеет возможность в своей проповеди использовать любые материалы, способствующие более полному раскрытию темы проповеди. Однако основным материалом проповеди является Библия, толкование и разъяснение которой и есть суть проповеднического дискурса.

Необходимо отметить, что при изложении материала как лектор, так и проповедник могут использовать лингвальные средства, характерные не только для институционального дискурса, но и для бытийного и даже для индивидуального бытового. Переход к другим речевым регистрам обуславливается необходимостью наиболее эффективной передачи информации слушателям и достижения максимального контакта с реципиентами.

Использование *прецедентных текстов* в проповеди и лекции является одним из основных системообразующих признаков этих дискурсивных образований. Учитывая специфику лекционного и проповеднического дискурсов, нацеленных на передачу уже сформированных в науке/богословии знаний/вероучения, прецедентные тексты представлены в них в виде прямых цитаций (или, в терминологии В.Н.Волошинова, в виде «чужой речи» [4]). В дискурсе проповеди «чужая речь» играет двойную роль. С одной стороны, она служит основой для ее дальнейшей интерпретации (расширение значения цитируемого, объяснение и обобщение); с другой стороны, цитация является основным источником аргументации, используемым для придания речи наибольшей достоверности и убедительности. В этом смысле цитация выполняет риторическую функцию персуазивности в тексте. [9, 325]. В дискурсе лекции цитация также может использоваться как в виде отправной точки для дальнейшего рассуждения, так и в качестве источника аргументации.

В сфере институционального вербального взаимодействия наличествуют высказывания жесткой структуры, с высокой степенью обязательности использующиеся в том или ином институциональном дискурсе. Такие структуры получили название *дискурсивных формул*, под которыми понимаются «своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [7, 280]. В этих формулах отражена речевая специфика того общественного института, в которой протекает коммуникация. Объем статьи не позволяет подробно остановиться на анализе дискурсивных формул, характерных для лекционного и проповеднического дискурсов. Отметим лишь, что в рассматриваемых дискурсах они не только служат средством маркирования вида дискурса, но и обеспечивают когерентность текста лекции или проповеди.

Таким образом, рассмотрение основных компонентов проповеднического и лекционного дискурсов позволило, во-первых, констатировать их принадлежность к институциональному дискурсу (несмотря на наличие эле-

ментов бытийного и бытового дискурсов), во-вторых, выявить интегральные и дифференциальные признаки, характеризующие дискурсы лекции и проповеди.

Перспективным представляется изучение особенностей функционирования дискурсивных формул в означенных дискурсах, а также исследование лингвальных и экстралингвальных средств реализации побудительных конструкций в текстах проповеди и лекции.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1979. – 423 с.
2. Бурмакина Н.Г. Академический дискурс в теории институциональных дискурсов [Электронный ресурс] / Н.Г.Бурмакина // Сибирский федеральный университет, Красноярск – Режим доступа к ресурсу: <http://study-english.info/article051.php#ixzz4O4I8s99B> .
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. / Т.А. Ван Дейк. – Москва: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. / В.Н.Волошинов. – Л.: Прибой, 1929. – 243 с.
5. Воротникова Ю.С. О Лингвистическом статусе лекционного дискурса. / Ю.С.Воротникова // ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт им.Д.И.Менделеева», Россия, – №7. – 2009.
6. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И.Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена. – 2000. – С. 5 – 20.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И.Карасик. – Москва: ГНО-ЗИС, 2004. – 389 с.
8. Кравченко Н.А. Проповедь как особый вид текстов воздействия / Н.А.Кравченко // Записки з романо-германської філології.- Вип.11. – Одесса, 2002. – С. 127-133.
9. Кравченко Н.А. Диалогичность в монологической проповеди („Чужая речь” в текстах англоязычных проповедей) / Н.А.Кравченко // „Мова і культура” (Науковий щорічний журнал).- Вип. 6. – Т.Ш. Ч.2. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту.- К.: Видавничий дім Д.Бураго, 2003. – С. 324-330
10. Морозова Е.В. Особенности жанра современной христианской проповеди. Лингвистический аспект (на материале немецкого языка). : дис. канд. філ. наук / Е.В.Морозова /.- Москва, 1998. – 180 с.
11. Набиева В.М. Прагматический аспект дискурса современной литургической проповеди. : дис. канд. фил. наук / В.М.Набиева / . - Москва, 1996. – 174 с.
12. Яскевич О.В. Основные коммуникативные стратегии в формировании и функционировании религиозного дискурса (на материале современной англоязычной проповеди). [Электронный ресурс] / О.В.Яскевич //Компаративные исследования славянских языков и литератур. - 2013. – Вып. 22. – С. 194-202. - Режим доступа к ресурсу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/kdsm_2013_22_26
13. Bligh Donald A. What's the Use of Lectures? / A.Donald Bligh. – San Francisco: Jossey-Bass, 2000.

References

1. Bahtin, M.M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva. Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
2. Burmakina, N.G. Akademicheskij diskurs v teorii institucional'nyh diskursov. [Electronic resource]. Sibirskij federal'nyj universitet, Krasnojarsk. Mode of access: <http://study-english.info/article051.php#ixzz4O4I8s99B>
3. Van Deijk T.A. (1989). Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. Moskva: Progress.
4. Voloshinov, V.N. (1929). Marksizm i filosofija jazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke. L.: Priboj.
5. Vоротnikova, Ju.S. (2009). O Lingvisticheskom statuse lekcionnogo diskursa. GOU VPO «Tobol'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im.D.I.Mendeleeva», 7.
6. Karasik, V.I. (2000). O tipah diskursa. In Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj

- diskurs: Sb. nauch. tr.Volgograd:Peremena. 5 – 20.
7. Karasik, V.I. (2004). Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Moskva: GNOZIS.
 8. Kravchenko, N.A. (2002). Propoved' kak osobyj vid tekstov vozdejstvija In Zapiski z Romano-Germans'koi filologii. Odessa, 11 (127-133).
 9. Kravchenko, N.A. (2003). Dialogichnost' v monologicheskoy propovedi („Chuzhaja rech'” v tekstah anglojazychnyh propovedej). In „Mova i kul'tura” (Naukovij shhorichnij zhurnal). K.: Vidavnichij dim D.Burago, 6 (324-330).
 10. Morozova, E.V. (1998). Osobennosti zhanra sovremennoj hristianskoj propovedi. Lingvostilisticheskij aspekt (na materiale nemeckogo jazyka). : dis. kand. fil. nauk. Moskva.
 11. Nabieva, V.M. (1996). Pragmaticheskij aspekt diskursa sovremennoj liturgicheskoy propovedi. : dis. kand. fil. nauk. Moskva.
 12. Jaskevich, O.V. (2013). Osnovnye kommunikativnye strategii v formirovanii i funkcionirovanii religioznogo diskursa (na materiale sovremennoj anglojazychnoj propovedi). [Electronic resource] In Komparativnye issledovanija slavjanskih jazykov i literatur. 22 (194-202). – Mode of access: http://nbuv.gov.ua/UJRN/kdsm_2013_22_26
 13. Bligh Donald, A. (2000). What's the Use of Lectures? San Francisco: Jossey-Bass.

Стаття надійшла до редакції 1.10.2016 р.